

ПРОСТИ НАМ НАШЕ СПАСЕНИЕ



ЭВЕЛИН ЭШ

Эвелин Эш

Прости нам наше спасение

«Автор»

2026

Эш Э.

Прости нам наше спасение / Э. Эш — «Автор», 2026

Над Эреном всегда один и тот же час. Святое Око неподвижно горит над Башней, удерживая за городскими стенами вечную ночь. Пока его свет не меркнет, жители верят, что находятся в безопасности. Здесь тени никогда не меняют направления, дети знают звёзды только по старым рисункам, а оказаться за пределами света означает почти верную смерть. Сейра Вель — ищейка Ока. Серебряный знак даёт ей право входить в чужие дома и забирать тех, на ком обнаруживается след ночи. Её появление означает, что чьи-то молитвы уже не помогли. Но у ночи появился голос. Его слышат те, за кем приходит Сейра. Он становится громче по мере приближения к Башне. А однажды произносит её имя. В Эрене всю жизнь учат бояться того, что скрывается за городской стеной. Никто не учит бояться того, что может скрываться под Святым Оком.

© Эш Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 Милость	5
Глава 2 Благодать	11
Г	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Эвелин Эш

Прости нам наше спасение

Глава 1 Милость

В квартале Отсвета никогда не бывало темно, но именно там Сейра чаще всего находила тех, кто начинал слышать ночь.

Свет Святого Ока почти не достигал окраины. Он стекал с крыш тусклым золотом, застревал в мутных окнах и растягивал человеческие тени по мостовой. Чем дальше улицы уходили от центра Эрена, тем меньше в них оставалось цвета. Белая штукатурка становилась серой, красная черепица — бурой, лица прохожих казались вырезанными из старого воска. Люди здесь жили под слабым светом всю жизнь и всё равно каждый вечер проверяли ставни. Привычки пережили солнце.

Сейра шла медленно, не потому что не знала дороги. Наоборот, Отсвет она знала лучше большей части церковных служителей. Узкие улицы здесь переплетались без всякой меры, дома надстраивали друг на друга, когда для новых перестало хватать земли.

В квартале Отсвета никогда не бывало темно, но именно там Сейра чаще всего находила тех, кто начинал слышать ночь.

Свет Святого Ока почти не достигал окраины. Он стекал с крыш тусклым золотом, застревал в мутных окнах и растягивал человеческие тени по мостовой. Чем дальше улицы уходили от центра Эрена, тем меньше в них оставалось цвета. Белая штукатурка становилась серой, красная черепица — бурой, лица прохожих казались вырезанными из старого воска. Люди здесь жили под слабым светом всю жизнь и всё равно каждый вечер проверяли ставни. Привычки пережили солнце.

Сейра шла медленно, не потому что не знала дороги. Наоборот, Отсвет она знала лучше большей части церковных служителей. Узкие улицы здесь переплетались без всякой меры, дома надстраивали друг над другом, когда для новых перестало хватать земли. Между крышами протягивали мостки, по которым жители перебирались в соседние кварталы, не спускаясь вниз. Столица росла к Оку и вверх, словно всё ещё надеялась подобраться к нему достаточно близко, чтобы согреться.

Над городом неподвижно висел искусственный день.

Око находилось на вершине Башни, вокруг которой был построен Внутренний город. Отсюда сама башня казалась тонкой чёрной иглой, проткнувшей золотой круг. Свет не двигался, не восходил и не садился. Тени утром, днём и вечером лежали в одном направлении, хотя сами слова «утро» и «вечер» давно обозначали скорее часы, чем положение света на небе. Люди просыпались по первому колоколу, по девятому закрывали лавки и спали, когда над крышами продолжался всё тот же неподвижный день.

Сейра редко смотрела на Око. Даже на окраине его свет неприятно резал глаза, а ближе к центру начинала болеть кожа на лице и руках. Поэтому она носила дымчатые очки, перчатки и серый плащ с высоким воротником. В Отсвете этого было достаточно; во Внутреннем городе приходилось добавлять вуаль. Когда-то внимание прохожих к её одежде раздражало её сильнее самого света, но со временем люди привыкли к странностям церковной ищейки, а Сейра привыкла не замечать их взглядов.

Настоящего солнца она не помнила. Почти никто её возраста не помнил.

Сорок девять лет назад оно зашло в последний раз. Позже это называли Угасанием, и за прошедшие годы событие успело обрасти десятками историй. Одни говорили, будто перед закатом солнце стало красным. Другие клялись, что в тот день у людей исчезли тени. Согласно

храмовым книгам, семь суток мир оставался во тьме, пока Первый Светоч не поднялся на вершину Башни и не зажжёт Святое Око. Именно там начиналась история нынешнего Эрена. Всё, что было раньше, постепенно превращалось в предание.

Возможно, поэтому рассказы о голубом небе казались ей более невероятными, чем рассказы о чудовищах.

Она остановилась у дома с зелёной дверью. Над косяком был прибит знак Ока — круг с четырьмя длинными лучами. Дерево вокруг него почернело от свечного дыма. Хозяева явно молились чаще, чем большинство соседей.

Их сына звали Тейном. Двенадцать лет. Три недели назад он начал просыпаться во время часов покоя и разговаривать с кем-то за стеной. Через несколько дней мать заметила, что мальчик стал завешивать зеркала. Ещё через неделю радужка его левого глаза начала темнеть.

На этом семья совершила ошибку.

Они позвали храмового лекаря.

С тех пор Сейра знала о мальчике почти всё, кроме того, где он сейчас находился.

На груди под плащом висел серебряный знак ищейки Ока. В Отсвете его узнавали быстро и редко заставляли Сейру ждать. Но сегодня стучать не пришлось: зелёная дверь открылась, и на пороге появилась женщина.

Мать Тейна выглядела так, словно последние несколько дней почти не спала. Она сразу увидела серебро на груди Сейры, затем подняла взгляд к лицу и на мгновение задержалась на очках. Сейра не отвела глаз.

— Вы одна?

— Да.

В голосе женщины прозвучало удивление. Большинство церковных служителей ходили по Отсвету хотя бы вдвоём, но Сейра давно отказалась от сопровождающих. Они мешали слушать, постоянно задавали вопросы и считали необходимым разговаривать даже тогда, когда сказать было нечего.

Женщина впустила её.

Комната была маленькой, чистой и очень тёплой. У окна стоял домашний алтарь с шестью свечами, хотя для обычной молитвы полагалось зажигать только одну. На столе лежала деревянная фигурка Ока, рядом — детская рубашка, аккуратно сложенная вчетверо.

Тейн исчез два дня назад. Мать сперва надеялась, что он вернётся, поэтому сообщила служителям лишь утром. Мальчик не взял еды, тёплой одежды или денег. Единственное, что пропало вместе с ним, — старое шерстяное одеяло.

Сейра осмотрела его комнату. Кровать оставалась разобранной. Возле стены лежали три книги, одна храмовая, две школьные. На подоконнике она нашла высохшего жука, несколько стеклянных шариков и огарок свечи. Всё соответствовало двенадцатилетнему мальчику, кроме рисунков.

Ими была покрыта внутренняя сторона кровати.

Чтобы увидеть их, пришлось опуститься на колени. Тейн много раз рисовал углём одну и ту же фигуру: высокий чёрный столб и круг над ним. Иногда вокруг располагались дома, иногда человеческие фигурки. На самом старом рисунке Око было золотым. На следующих становилось всё темнее.

На последнем круг оказался полностью закрашен.

Под ним Тейн изобразил множество маленьких белых точек.

Сейра провела пальцем по одной из них.

Звёзды.

Она знала их по книгам. Крошечные огни, которые когда-то покрывали небо во время настоящей ночи. Большинство детей Эрена рисовали звезду как пятиконечный знак, потому что никогда не видели настоящей.

У Тейна они были просто точками.

Сейра заметила ещё одну странность. Когда она наклонилась ближе к рисункам, где-то на границе слуха возник тонкий звон. Он был едва заметным, почти неотличимым от звона в ушах после долгой дороги, но Сейра слишком хорошо его знала.

Она сняла очки и закрыла глаза.

Звук стал яснее.

Одновременно с ним начали исчезать остальные. Шум улицы отдалился, перестали потрескивать свечи в соседней комнате. Сейра слышала звон ещё несколько секунд, после чего открыла глаза.

В маленьком зеркале над столом отражалось её лицо. Тёмные волосы, бледная кожа и серо-голубые глаза, по краям которых медленно проступала чернота.

Сейра снова надела очки.

Мать Тейна ждала её в коридоре. Сейра вернулась к ней не сразу: после звона обычные звуки всё ещё казались приглушёнными, и пришлось несколько секунд постоять в дверях, пока голос женщины снова не стал различимым.

— Куда он ходил в последние недели? — спросила Сейра.

Женщина перечислила школу, рынок, дом дяди и старую колокольню. На последнем месте её голос дрогнул.

Колокольней перестали пользоваться задолго до рождения Тейна. Она стояла возле внешней стены, где свет Ока становился особенно слабым. За стеной начиналась Пустошь, а дальше — ночь. Настоящая, не ограниченная закрытыми ставнями или временем сна.

Туда уходили изгнанники.

Перед уходом Сейра сказала, что поиски продолжат. Мать Тейна кивнула и спросила, сообщат ли ей сразу, если мальчика найдут.

Сейра ответила, что сообщат.

Этого женщине оказалось достаточно. Она проводила Сейру до двери и осталась на пороге, прижимая ладонь к деревянному знаку Ока.

Люди Отсвета узнавали её. Некоторые отходили с дороги, другие касались оберегов. Один старик плюнул через левое плечо. Она давно перестала замечать большую часть таких жестов.

До четырнадцати лет Сейра тоже не понимала, почему слышит вещи, которые не слышат остальные. Потом один из голосов привёл её к человеку, чьи глаза ещё выглядели совершенно обычными. Через несколько дней они начали чернеть.

После этого церковь заинтересовалась Сейрой.

Теперь серебряный знак на груди разрешал ей входить в чужие дома, расспрашивать семьи и искать тех, кому только предстояло обнаружить собственные симптомы. К тому времени, когда храмовые лекари замечали первые признаки, Сейра порой уже несколько дней слышала знакомый звон.

У внешней стены звон появился снова.

Старая колокольня стояла между пустым складом и каменной стеной. Её дверь была заколочена, но одна доска недавно сломалась. На пыльном полу сохранились следы маленьких сапог.

Сейра вошла.

Внутри света было ещё меньше. Око оставалось по другую сторону колокольни. В узкие окна попадали лишь его слабые отсветы, отражённые от крыш соседних домов. Лестница наверх рассохлась, некоторые ступени отсутствовали. Судя по следам, Тейн всё равно поднялся.

Сейра последовала за ним.

На втором ярусе лежало шерстяное одеяло. Рядом стояла глиняная миска с отколотым краем. На дне оставалось несколько хлебных крошек.

Тейн не приносил еду из дома.

Кто-то кормил его.

Сейра перевернула миску, мельком посмотрела на дно и поставила обратно.

Она подошла к лестнице, ведущей к колоколу. Оттуда уже слышалось неровное детское дыхание.

Мальчик сидел наверху, прижавшись спиной к каменной стене. Один глаз оставался карим. Второй стал почти чёрным. Увидев серебряный знак, Тейн сильнее вжался в камень за его спиной.

Сейра не стала доставать оружие. Она села на ступеньку в нескольких шагах от него и некоторое время смотрела наружу через узкое окно.

Отсюда открывался вид за стену.

Пустошь начиналась почти сразу. Свет Ока уходил туда на несколько сотен шагов, становясь всё слабее, пока земля окончательно не растворялась во тьме. Граница была видна удивительно хорошо: золотистая серость, потом сумрак, затем ничего.

Тейн заговорил первым.

— Она плачет.

Сейра перевела на него взгляд.

— Кто?

Мальчик указал вниз.

Под ноги.

Тейн рассказал мало, но этого хватило. Голос появился примерно месяц назад. Вначале он слышал его только во сне, потом — наяву. Чем ближе мальчик подходил к центру города, тем громче становился плач. Голос принадлежал женщине, хотя слов он почти не понимал. Лишь однажды она сказала что-то отчётливо.

«Я под вами».

После этого Тейн перестал ходить в школу.

Сейра слушала, положив руки на колени. Она не пыталась убедить мальчика, что голос ему мерещится.

Именно это его насторожило.

— Ты тоже её слышишь?

Сейра сняла очки.

Несколько секунд слышались только обычные звуки: ветер в разбитом окне, далёкие улицы, скрип старой лестницы. Потом появился звон.

За ним пришёл женский плач.

Он шёл снизу.

Сейра сосредоточилась сильнее. Плач приблизился, зато окружающий мир начал исчезать. Сначала стих ветер, затем пропали городские колокола. Тейн что-то сказал, но она увидела только движение его губ.

По краям серо-голубых глаз разливалась чернота.

Сейра заставила себя остановиться и надела очки.

Некоторое время никто из них не говорил.

Когда человеческие звуки начали возвращаться, Тейн всё ещё смотрел ей в лицо.

Тейн не сводил с неё глаз.

— Они почернели.

Сейра отвернулась.

— Я видел.

Она ничего не ответила.

Мальчик коснулся своего левого века.

— Почему тебя тогда не очищают?

— Потому что я им нужна.

Этого Тейн, кажется, испугался сильнее, чем чёрных глаз.

Сейра поднялась.

На нижнем этаже Сейра достала серебряную цепь. Тейн сразу отступил. Помеченных полагалось приводить в храм связанными, даже если они не сопротивлялись. Там их осматривали и отправляли на очищение. Церковь утверждала, что некоторым оно помогало. Тейн, похоже, слышал другие истории.

Сейра защёлкнула один конец цепи на собственном поясе.

Второй бросила на пол.

Затем указала на пролом в задней стене колокольни.

Тейн не понял. Он перевёл взгляд с брошенной цепи на пролом в задней стене, за которым начинался узкий проход вдоль городских укреплений.

— Беги, — сказала Сейра.

Мальчик не двинулся. За стеной лежала Пустошь — место, которым в Эрене пугали детей задолго до того, как те узнавали, что такое изгнание. Тейн посмотрел на Сейру так, будто теперь уже не был уверен, кого следует бояться больше: её или темноты.

— Туда?

Сейра кивнула.

Он крепче сжал край одеяла, но к пролому не подошёл.

Сейра указала вдоль стены.

— Иди до старого водостока.

— А потом?

На этот раз она помедлила.

— Там тебе помогут.

— Кто?

Сейра посмотрела на миску с хлебными крошками.

Тейн проследил за её взглядом.

Этого оказалось достаточно.

Он взял одеяло и полез в пролом. Перед тем как исчезнуть, остановился.

— Почему ты меня отпускаешь?

Сейра поправила край его одеяла, выбившийся из-под руки.

— Иди. Тебя ждут.

Вскоре за стеной стихли его шаги.

Сейра подождала. Затем подняла цепь, несколько раз ударила ею о камень и порезала ладонь о выступающий гвоздь. Кровью испачкала край пролома.

В отчёте будет сказано, что помеченный испугался, напал на неё и ушёл через старый водосток. За городской стеной двенадцатилетний ребёнок без еды, оружия и света считался покойником, поэтому поиски не продлятся долго.

Когда храмовые служители появились у колокольни, обычный слух Сейры ещё не восстановился полностью. Их голоса звучали глухо, и ей пришлось дважды просить повторить один и тот же вопрос.

— Он ушёл в Пустошь?

— Да.

Один из мужчин посмотрел за стену.

— Тогда всё.

Сейра ничего не ответила.

На обратном пути ей стало легче только после того, как служители ушли. Город снова наполнялся голосами, звоном посуды, скрипом колёс и далёкими храмовыми колоколами, но теперь каждый звук казался немного громче обычного. Сейра держалась у края улицы и ни с кем не разговаривала.

Возле дома Тейна она замедлила шаг.

За окном всё ещё горели шесть свечей.

Сейра постояла несколько секунд, затем пошла дальше.

Над городом неподвижно горело Святое Око. По мере приближения к центру его свет становился ярче, и Сейра опустила капюшон ниже, прикрывая лицо. Где-то далеко позади двенадцатилетний мальчик уходил всё глубже в ночь, в которой, по словам церковников, человек вроде него не должен был прожить и нескольких часов.

Сейра не беспокоилась.

У старого водостока его ждали.

Она знала это по знаку на дне миски.

Сквозь городской шум снова проступил женский плач.

Сейра замедлила шаг. На мгновение рука поднялась к очкам, но так и не коснулась оправы.

Где-то над крышами ударил колокол, и плач растворился в его гуле.

Сейра пошла дальше.

Глава 2 Благодать

К тому времени, когда Сейра добралась до церковного дома, глаза снова стали серо-голубыми.

Боль осталась. Она начиналась где-то за переносицей и расходилась к вискам тупыми, медленными толчками. Обычные звуки вернулись почти полностью, зато теперь казались резче, чем прежде. Скрип дверной петли заставлял морщиться, звон посуды в общей комнате отдавался прямо в голове, а чей-то смех на втором этаже был таким громким, словно смеющийся стоял у неё за плечом.

Сейра поднялась к себе, не заходя ужинать.

Церковный дом когда-то принадлежал богатому торговцу тканями. После его смерти наследники перебрались ближе к Башне, а здание выкупил храм и отдал служителям внешних кварталов. Комнаты здесь были маленькими, зато отдельными, что Сейру вполне устраивало. Единственное окно её спальни выходило в узкий переулок, куда прямой свет Ока почти не попадал. Когда несколько лет назад ей позволили выбрать комнату, Сейра выбрала её именно из-за полумрака, на который прежний жилец когда-то так часто жаловался.

Первым делом она закрыла дверь.

Только после этого сняла плащ, перчатки и очки. Без затемненных стёкол комната почти не изменилась. Сейра подошла к небольшому зеркалу возле умывальника и посмотрела на свои глаза. От черноты осталась тонкая тёмная кайма по краям радужек. Серо-голубой цвет медленно возвращался, будто ночь, на несколько минут заполнившая глаза, отступала неохотно.

Она отвернулась раньше, чем исчезли последние следы.

Порез на ладони оказался неглубоким. Сейра промыла его холодной водой и нашла полоску чистой ткани. На рукаве плаща осталось небольшое пятно крови, но после сегодняшней прогулки по старой колокольне его всё равно придётся отдать в прачечную.

В дверь трижды постучали.

Сейра продолжила завязывать повязку.

Стук повторился.

Она посмотрела на дверь и всё-таки открыла.

На пороге стояла Лианна с деревянным подносом в руках. Похлёбка, хлеб, маленький чайник и две чашки едва помещались на нём. Она дождалась, пока Сейра отойдёт, вошла и поставила всё на стол.

Лианна была одним из немногих людей, которых закрытая дверь Сейры никогда особенно не смущала. За шесть лет она успела выучить её привычки достаточно хорошо, чтобы замечать пропущенные ужины раньше самой Сейры. Поэтому и сегодня Лианна принесла еду, не спрашивая, нужна ли она.

На этот раз внимание Лианны почти сразу привлекла перевязанная ладонь.

— Что случилось?

— Гвоздь.

Лианна посмотрела на неё, потом на руку.

— Покажи.

Сейра молча протянула ладонь.

Лианна работала в аптеке при храмовой лечебнице и давно перестала доверять тому, как Сейра оценивала собственные раны. Она сняла ткань, осмотрела порез и достала из кармана маленькую банку с мазью. Мазь зашипала сильнее самой раны, но Сейра не отдёрнула руку.

Пока Лианна перевязывала ладонь заново, золотой свет из окна падал ей на волосы. Через несколько минут она заметила, что Сейра щурится, встала и задёрнула штору. Комната сразу погрузилась в приятный серый полумрак.

Когда-то именно Лианна принесла ей первые очки. Нашла их у старого мастера на рынке и потом долго уверяла, что заплатила сущие копейки. Сейра случайно узнала настоящую цену.

Старая пара до сих пор лежала в верхнем ящике стола.

Сейра принялась за еду. Лианна устроилась возле окна с чашкой чая и не торопилась нарушать тишину. С ней это было возможно. Большинство людей начинало чувствовать себя неловко уже через несколько минут и принималось говорить хотя бы о погоде — занятие особенно бессмысленное в городе, где небо почти пятьдесят лет не менялось. Лианна могла провести рядом целый вечер, перебирая аптечные записи или читая, и вспомнить о разговоре только тогда, когда действительно появлялось что сказать.

Сегодня вспомнила довольно скоро.

— Нашла мальчика?

Сейра опустила ложку.

— Да.

Лианна некоторое время смотрела на неё, но следующего вопроса не задала.

Она знала достаточно о работе ищейки. Лианна не раз видела помеченных в лечебнице. Обычно они оставались там на несколько дней, пока не приходило распоряжение о переводе под собор.

Вместо этого она заговорила о женщине, которую утром привезли с восточной дороги.

Караван обнаружил её в трёх днях пути от городской стены. Одну, без еды и почти без тёплой одежды. Несколько пальцев оказались обмороженными, хотя снег в это время не выпадал даже в ближайшей Пустоши. Женщина почти всё время спала, а когда просыпалась, путала людей и несколько раз пыталась уйти из лечебницы.

Сейра продолжала есть, пока Лианна не упомянула свет.

Ложка остановилась.

Женщина утверждала, что несколько часов шла на него через Пустошь. Сначала лекарь решил, что речь о Святом Оке. Потом выяснилось, что Око всё это время оставалось у неё за спиной.

Сейра подняла взгляд.

— Где она?

— В лечебнице.

— Помечена?

Лианна покачала головой.

Никаких изменений глаз, необычных ран или других признаков лекари не обнаружили. Несмотря на это, сразу после первого колокола женщину собирались перевести в главный храм. Распоряжение пришло раньше, чем закончился осмотр.

За окном ударил девятый колокол.

Его низкий звон прокатился над кварталом и почти сразу получил ответ от соседних храмов. На улице начали закрываться лавки. В соседнем доме захлопнули ставни, отгораживаясь от золотого света, который не становился слабее с наступлением часов покоя.

Лианна дождалась, пока Сейра почти закончит с ужином, и только тогда сказала:

— Эдран тебя искал.

Сейра отложила ложку.

— Давно?

— До ужина.

Несколько секунд они смотрели друг на друга. Потом Лианна как ни в чём не бывало отпила чай.

Спустя несколько минут Лианна ушла, забрав поднос. Сейра ещё некоторое время сидела в тишине, прежде чем снова надела плащ.

До наставника было четыре квартала к свету.

По мере приближения к Башне Эрен менялся. Дома становились просторнее, между ними появлялись небольшие сады, а мостовая постепенно светлела. Исчезли торговые палатки, открытые водостоки и верёвки с бельём между окнами. Здесь даже люди говорили тише, словно близость собора требовала от них определённой сдержанности.

С каждым кварталом Сейра опускала капюшон всё ниже.

Через темные стёкла золотое сияние становилось терпимым, но открытые участки кожи уже начинало покалывать. Возле Внутренних ворот она достала вуаль и закрыла нижнюю половину лица.

У соборной площади было почти пусто.

Око висело над Башней так близко, что смотреть вверх не хотелось даже через очки. Его сияние отражалось от белого камня, золотых украшений и высоких окон, превращая площадь в самое светлое место Эрена.

Сейра прошла её быстро.

Эдран ждал в западном крыле.

На его столе лежал отчёт о Тейне. Наставник дочитал страницу, прежде чем поднял голову.

За восемь лет Эдран изменился мало. В светлых волосах прибавилось седины, особенно у висков, а на воротнике появилась более широкая золотая полоса. В остальном он выглядел почти так же, каким Сейра запомнила его при первой встрече.

Эдран указал на стул.

Сейра села.

Наставник не стал спрашивать о порезе или подробностях побега. Всё необходимое уже содержалось в отчёте. Вместо этого его взгляд остановился на очках.

— Сними.

Сейра сняла их.

Свет лампы неприятно ударил по глазам. Эдран внимательно посмотрел на радужки, но чернота уже исчезла.

В четырнадцать лет Сейра сидела перед ним почти так же. Только тогда между ними находился другой стол, на запястьях у неё оставались следы ремней, а серо-голубой цвет ещё не вернулся к глазам. В соседней комнате плакала женщина, которую Сейра слышала раньше храмовых лекарей.

Эдран тогда первым спросил не о её глазах.

Он спросил, что она слышала.

Теперь вопрос оказался почти таким же.

Сейра рассказала о рисунках в комнате Тейна и о том, где нашла мальчика. О его побеге в отчёте уже было достаточно. Гораздо дольше Эдран расспрашивал о голосе.

Тейн слышал женский плач уже около месяца. Вначале только во сне, затем и наяву, причём возле храмов голос становился сильнее. Слов он почти не различал. Только однажды услышал ясно: «Я под вами».

Пальцы Эдрана замерли на краю отчёта.

Всего на мгновение.

— А ты?

Сейра встретила его взгляд.

— Только звон.

Эдран ещё немного подождал, словно продолжение могло последовать само. Потом закрыл отчёт.

За последние два месяца церковь нашла ещё девятерых помеченных, говоривших о голосе. Прежде таких случаев было мало — два, иногда три за весь год.

С Тейном их стало десять.

— Следующий выход будет не одиночным. Я назначу сопровождающего.

Сейра нахмурилась, но возражать не стала. По тону наставника было ясно, что решение уже принято.

У самой двери Эдран добавил:

— И если за звоном услышишь что-нибудь ещё — сначала приди ко мне.

Рука Сейры задержалась на дверной ручке.

— Хорошо.

Эдран кивнул.

Она вышла.

Из собора Сейра вышла тем же путём, но домой не пошла.

Лечебница находилась в двух улицах.

После девятого колокола там становилось тихо. Окна занавешивали плотными шторами, лампы у кроватей приглушали, и люди создавали внутри здания подобие ночи, которой город давно лишился.

У последней палаты Лианна читала, устроившись на низком табурете. При виде Сейры она закрыла книгу, оставив палец между страницами, и отёрнула занавеску.

Сейра прошла мимо неё.

Женщина с восточной дороги спала под двумя одеялами. Обмороженные пальцы были перевязаны, влажные волосы прилипли ко лбу. На вид ей было около сорока.

Сейра остановилась возле кровати. Ничего. Она подошла ближе, но по-прежнему не слышала ни тонкого звона, ни чего-либо ещё. Когда Лианна осторожно разбудила больную, женщина долго не могла понять, где находится. Потом заметила серебряный знак Сейры и заметно напряглась.

Рассказ получился спутанным. Караван попал в снегопад, люди потеряли дорогу и начали отставать друг от друга. В какой-то момент женщина обнаружила, что осталась одна. Она долго шла, не разбирая дороги, пока далеко впереди не появился белый свет.

Святое Око в тот момент оставалось у неё за спиной.

Сейра задала только один вопрос:

— Что он делал?

Женщина долго молчала.

— Поднимался.

В палате стало тихо.

Сейра смотрела на женщину, пытаясь представить увиденное ею. За всю жизнь она знала только одно солнце — неподвижное Святое Око над Эреном. Она никогда не видела, чтобы светило двигалось по небу.

Женщина же утверждала, что белое сияние появилось над самой землёй, поднялось выше, а потом исчезло. Куда именно — за горизонт или просто во тьму — она уже не могла сказать. В лихорадке ей показалось, что это было настоящее солнце.

Она пошла к нему.

Через несколько часов её нашёл караван.

На этом рассказ заканчивался.

Перед уходом Сейра спросила, кому ещё женщина успела обо всём рассказать. Оказалось, что священнику у городских ворот.

Теперь спешка главного храма выглядела понятнее.

Сейра вышла в коридор. Лианна задержалась рядом, у окна. Между неплотно задёрнутыми шторами лежала узкая полоса золотого света.

Настоящий восход.

Сейра попыталась представить, как солнце появляется там, где мгновение назад его не было. Не по воле церкви, не после удара колокола — само.

Мысль казалась почти нелепой.

За шторами золотой свет лежал там же, где всегда.

В конце коридора появилась ночная сестра. Следом за ней вошли трое мужчин в чёрных плащах. На ткани серебром были вышиты четыре длинных луча Святого Ока.

Они пришли за женщиной.

Последнего из троих Сейра узнала сразу.

Отца Корвена она помнила прежде всего по губам, продолжавшим задавать вопросы уже после того, как все человеческие голоса для неё стихли.

Он закончил с бумагами, вернул их сестре и посмотрел через коридор прямо на Сейру.

— Вель, завтра ты понадобишься внизу.

Мужчины скрылись за занавеской. Некоторое время оттуда доносились приглушённые голоса, затем в коридоре заскрипели колёса. Сейра проводила носилки взглядом, пока они не исчезли за поворотом.

Лианна осталась у окна рядом с ней.

Лечебница постепенно затихала. Где-то закрыли дверь, в дальнем конце коридора погасили ещё одну лампу. Скрип половиц становился всё реже.

Среди этой тишины Сейра не сразу различила ещё один звук.

Женщина плакала.

Она замерла, ожидая, что следом появится знакомый звон.

Но его не было.

Был только женский голос.

Сейра медленно опустила взгляд.

Под ногами лежал каменный пол лечебницы. Под ним — подвалы, старые улицы, водостоки и фундаменты Эрена.

Голос доносился откуда-то ещё глубже.

Сейра не сняла очки.

Завтра Корвен ждал её внизу.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.